

*Прах роют и в крови шипят.
Швед, русский - колет, рубит, режет.
Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон.*

Но, надо отдать должное шведам, они бежали сквозь этот смертельный ливень, не открывая огня, поскольку запасы пороха были крайне ограничены. У них оставался последний шанс – один раз выстрелить и броситься в штыковую атаку, равных в которой им не было в Европе. Ужас первых залпов превратился в кромешный ад, когда шведы приблизились на расстояние 50 метров: в бой вступили мушкеты. Двухкилометровый строй русских солдат, вставших на одно колено, открыл мушкетный огонь. Теперь уже шведы падали как трава под косой, ровными рядами, так они и лежали после битвы, как подкошенные или как одновременно расстрелянные. Генерал Левенгаупт после вспоминал: *"уму человеческому непосильно вообразить было, что хоть одна душа из всей нашей ничем не защищенной пехоты живой выйдет"*. В первые же полчаса шведская армия потеряла почти половину своего состава, но, наконец, достигла передовой линии русского строя. После мушкетного залпа два шведских батальона со страшной силой бросились в атаку на первый батальон Новгородского полка. Такая целеустремленность была вызвана тем, что накануне русский унтер-офицер, перебежавший к неприятелю, указал на полк новобранцев, одетых в мундиры серого сукна. Именно поэтому шведы набросились на "самое слабое звено", не зная того, что Петр, предвидя последствия измены, приказал переодеть в серые мундиры Новгородский полк, один из лучших своих полков. Шведский удар был страшен, но русская пехота уже была не та, что некогда под Нарвой. И все же на правом фланге шведы сумели потеснить русскую линию. Им даже удалось захватить несколько пушек и успеть выстрелить из них в сторону русских. В одном месте линия стала изгибаться, вовлекая шведов внутрь русского строя. У девяти батальонов возникла реальная опасность быть отрезанными от основных сил. Короткое